

К.С. Аксаков

Полное собрание сочинений

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.С. Аксаков**
Полное собрание сочинений: Том 3 / К.С. Аксаков – М.: Книга по Требованию, 2017. – 676 с.

ISBN 978-5-519-10034-2

ISBN 978-5-519-10034-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ предисловіи ко II тому было уже объяснено, почему въ появленіи въ свѣтъ „Опыта Русской Грамматики“ произошло такое долгое замедленіе. Самъ Константинъ Сергѣевичъ успѣлъ издать при своей жизни только первый ея выпускъ (въ настоящемъ томѣ перепечатанный); второй выпускъ, заканчивающій весь отдѣлъ имени существительнаго, былъ имъ также приготовленъ къ печати и даже начать печатаніемъ, однако же былъ приготовленъ еще не вполне, особенно та его часть, которая посвящена сравнительнымъ изслѣдованіямъ и на поляхъ которой находятся частыя замѣтки автора: о необходимости новыхъ справокъ и новой провѣрки. Болѣзнь помѣшала Константину Сергѣевичу не только докончить изданіе, но и исправить, какъ онъ того желалъ, текстъ втораго выпуска. Эту трудную работу, которую, послѣ его кончины, могъ исполнить только филологъ-спеціалистъ, принялъ на себя, изъ уваженія къ памяти автора, близко знакомый съ его филологическими воззрѣніями, Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ. Подъ его редакціей изданъ такимъ образомъ весь отдѣлъ имени существительнаго и снабженъ учеными примѣчаніями. Читатели найдутъ вслѣдъ за сими статью самого П. А. Безсонова подъ заглавіемъ „Отъ редактора“, содержащую въ себѣ критическую оцѣнку К. С. Аксакова, какъ филолога.

По отпечатаніи уже г. Безсоновымъ упомянутаго отдѣла, мы рѣшились присоединить *) остальные отдѣлы той же части

---

*) Это и объясняется новымъ счетомъ листовъ и страницъ.

грамматики, сохранившіеся въ рукописи въ первоначальной, не предназначавшейся еще для печати редакціи. Константинъ Серіѣвичъ дѣлилъ грамматику на три части: 1 часть—Имя (предметъ), въ общемъ о своемъ значеніи; 2 часть—Глаголь (дѣйствіе); 3 часть—Рѣчь или Синтаксисъ. Первая же часть, Имя, заключаетъ въ себѣ въ частности: первый отдѣлъ — имя существительное, — который и является здѣсь въ видѣ довольно разработанномъ, и отпечатанъ подъ редакціей г. Безсопова; второй отдѣлъ Имени: прилагательныя всѣхъ категорій, и третій: предлогъ (нарѣчіе отнесено къ глаголу). Эти послѣдніе два отдѣла, хотя и не вполне обработанные, присоединяются здѣсь для того, чтобъ дать читателямъ полный очеркъ или конспектъ всей 1-й части грамматики, какъ она представлялась уму автора. Его взглядъ на 2-ю часть или на глаголы раскрывается отчасти изъ его статьи о глаголахъ и изъ другихъ статей, помѣщенныхъ во II томѣ.

Въ слѣдующихъ томахъ будутъ напечатаны статьи К. С—ча по разнымъ, современнымъ ему, общественнымъ вопросамъ, вообще статьи, выражающія его дѣятельность какъ публициста, его стихотворенія, драматическія произведенія и письма.

И. Аксаковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Отъ Редактора (П. А. Безсонова).....	I—XXXVI
Предисловіе въ 1 выпуску Оп. Р. Гр. К. С. Ансимова.....	I—VIII
Приглашаніе къ 1 выпуску, его же.....	I—II
Введеніе въ Грамматикѣ.....	1
Раздѣленіе.....	18
Часть I Имя (первый выпускъ изданный при жизни автора)...	38 — 169
— Имя (второй выпускъ подъ редакціей П. А. Безсонова).	169
Языки Индоевропейскіе	170
Языки Славянскіе	380 — 470
Прибавленіе, П. А. Безсонова.. ..	1 — 56
Косвенныя послѣднихъ двухъ отдѣловъ первой части Русской Грамматикѣ:.....	1
Прилагательное	4 — 127
Предлогъ.....	128 — 151

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Принявши на себя трудъ отпечатать Граматику покойнаго Константина Сергѣевича Аксакова, въ ся законченномъ отдѣлѣ объ Имени, мы вовсе не думали ограничиваться одною *корректурой*. Корректурa могла бы обойтись и безъ насъ, если бы въ ней состояла вся задача печатанія.

Обратившись къ труду, весьма значительному и по цѣли, и по объему, сочинитель, раньше еще второй половины, началъ уже спѣшить, чтобы успѣть докончить; онъ многое не досказывалъ, не дописывалъ, успѣвалъ лишь намѣчать и набрасывать. Передъ самымъ уже концомъ, онъ увидалъ необходимость ввести въ сравненіе съ Русскимъ языкомъ живыя Славянскія нарѣчія и сдѣлалъ изъ нихъ дополненіе: но это возвращало порою спова къ Русскому языку и отчасти видоизмѣняло выводы; вмѣсто того, чтобы завершить Русскимъ языкомъ, показавши путь, которымъ „ручьи слипались въ одномъ морѣ,“ выходило на оборотъ,—море расплывалось ручьями. Еще не довольно было издано произведеній живаго, устнаго, народнаго, творческаго Славянскаго слова: первыя руководства давали сухой, не всегда безошибочный и чаще сбивчивый матеріалъ; древнѣйшіе памятники самого языка Церковно-Славянскаго открывались постепенно, на глазахъ автора, въ теченіе его изслѣдованій. Покончивши съ Именемъ, онъ обернулся назадъ, еще разъ нересмотрѣлъ, увидалъ недостатки и передержки, многое перемѣстилъ и, въ заключеніе, прибавилъ замѣтки о томъ, что предстояло еще доработать или переработать: но это сдѣлано уже карандашомъ, въ наброскахъ еще болѣе легучихъ. Между тѣмъ физическія силы его чась отъ часу слабѣли;

II

жизнь быстро подтачивалась смертельнымъ недугомъ, который вполне сознавалъ онъ: онъ успѣшилъ надать къ себѣ хоть первыя, наиболѣе законченныя листы своей Граматики, — и скончался черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по изданіи перваго „Выпуска.“

Печатавшему продолженіе Граматики предстояло прочесть полустертое и набросанное, иное отгадать, другое дописать, многое по указаніямъ разставить и размѣстить, не только въ крупныхъ отдѣлахъ, но и въ параграфахъ, въ самыхъ примѣрахъ и буквахъ: это далеко уже дѣло не корректуры, это трудъ *редаціи*.

Тѣмъ не менѣе, если бы здѣсь отъ редактора требовалось одно только *знаніе предмета*, это поле на вѣрное уступили бы другимъ: при всякой редакціи, мало-мальски знающей, при всѣхъ педосмотрахъ рукописи и даже недостаткахъ, столь свойственныхъ каждому труду, не вездѣ устранимыхъ и теперь, Грамматика сохранила бы высокую свою цѣну вообще, въ глазахъ безпристрастной науки. Но сюда присоединились еще личные отношенія и временныя обстоятельства. Когда авторъ созрѣлъ и самъ по себѣ, и въ трудѣ языкознанія, ему подросъ сотоварищъ и соучастникъ, если и не доросъ ему въ сверстники: началось личное сближеніе, укрѣпленное общими интересами къ языкознанію; частныя и долгія бесѣды, обменъ выводовъ, особая „филологическая“ переписка, — все это ввело младшаго въ кругъ воззрѣній старшаго, въ особенности его взглядовъ и убѣжденій. Послѣ этого, покинуть на произволъ судьбы трудъ, какъ онъ покинуть въ рукописи умершимъ, стало вопросомъ совѣсти. Возстаповить любимый трудъ Аксакова — не столько въ правильной печати, сколько въ истинномъ свѣтѣ его достоинства, указать и по возможности растолковать главнѣйшее, хотя и не безъ попытокъ погрѣшностей пресмппка, — это было долгомъ *любви* — и къ автору, и къ его задачамъ. Тутъ нечѣмъ было замѣниться кромѣ насъ и едва ли кто другой *впримѣ* передалъ бы свѣту завѣщанное.

Ш

Сколько ни продолжаемъ мы „учиться чему ни будь и какъ ни будь;“ какъ ни слаба Славянская наша наука вообще и какъ ни дѣтски наши опыты въ изслѣдованіи собственнаго языка по памятникамъ или живымъ нарѣчіямъ: мы спѣшно усвоиваемъ себѣ взрослую солидность и самодовольно поглаживаемъ проби- вающійся усъ, какъ только поступимъ въ подмастерья къ зрѣлымъ собратьямъ изъ Западной Европы, то прикрываясь плащомъ ихъ, то отважно выглядывая изъ подъ плаща. Такія свѣтила современной нашей науки, какъ г. Миклошичъ въ данномъ случаѣ, освѣщаютъ безъ устали закоулки полной сравнительной грамматики по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, не исключая Русскаго; маленькія свѣтила, запылая блескъ свой отъ сего же крупнаго, мерцаютъ въ областяхъ Чешской, Хорватской, Княжеско-Сербской; отчасти къ тому же источнику свѣта поворачиваются иныя, стороною науки, и изъ Русскаго полушарія. Ихъ Описательная Анатомія языка, разсѣкая трупъ Церковно-Славянской, удачно чертитъ рисунки его членовъ и сочлененій, ревностно выписываетъ и сводитъ тысячи примѣровъ, копошится въ номенклатурѣ; снимая съ умершаго съѣтъ внѣшнихъ признаковъ существованія, счастливо открываетъ иногда уклоненія организма въ Патологій и въ некоторыхъ ослабшихъ или слабѣющихъ нарѣчій; подводитъ подъ тѣ же признаки и формы Жизнь здороваго чело- вѣка между Славянствомъ, а зная порядочно его письменные памятники, въ послѣднее время не чуждается отчасти и Народнаго языка, устнаго и творческаго, пахота въ немъ „под- крѣпленіе“ своимъ анатомическимъ аппаратамъ. Труды Добровскаго, Линде, Юнгмана, Калайдовича, Востокова, Гапки, Караджича, Шафарика, Даля, Бодявскаго, Срезневскаго, Бусласа — стоятъ собственно въ сторонѣ отъ помянутаго движенія, особнякомъ на пути Славянскаго языкознанія: они или отражаютъ въ себѣ насущные вопросы дня, удовлетворяя первымъ потребностямъ возрождающагося Славянства, или вмѣщаютъ богатый матеріалъ для развитія филологій нашей въ будущемъ. Юное движеніе Славянства съ ними справляется какъ съ письменнымъ памятникомъ прошлаго, оглядываясь назадъ по собственной доро-

IV

гѣ впередъ, либо даже ихъ игнорируетъ, по очереди, одинъ одного, другой другаго. Но по крайней мѣрѣ присутствіе ихъ въ области языковѣдѣнія нашего вѣка неотвратимо чувствуется: ихъ числятъ и даже по временамъ на нихъ ссылаются. Представители новой, болѣе суетливой, Славянской филологіи гораздо неумолимѣе другъ ко другу, а если приобретаютъ себѣ какую ни будь главу, въ родѣ, на примѣръ, г. Миклошича, то безпощадно караютъ все, къ нему и къ ихней группѣ не подходящее. Такъ, Славяно-языковѣды разныхъ вѣтвей, касаясь Русскихъ соратниковъ, по большей части, и очень сираседливо, упрекаютъ ихъ въ маломъ знакомствѣ съ нарѣчіями Славянскими, подсмѣиваясь вмѣстѣ, какъ варварству, недостатку нашихъ смысловъ на книги Вѣны, Лейпцига и Берлина; наши домашніе сверстники сихъ дѣятелей, имѣя полное право уличить ихъ въ самомъ широкомъ цвѣдѣніи языка Русскаго, съ своей стороны оправдываютъ упреки, за послѣдніе годы все слабѣя и слабѣя, знающимъ Славянскихъ нарѣчій, не возмѣщая сего углубленіемъ въ собственный языкъ, напротивъ вдаваясь попеременно то въ Скандинавію, то къ Туркменамъ и Монголамъ. Такое положеніе науки всего менѣе дозволяло бы общіе выводы о цѣломъ Славянскомъ языкѣ въ его законахъ, ни объ языкѣ вообще: скорѣе нужно бы каждому, и такъ поступилъ бы истинный Европеецъ въ наукѣ,—ограничиться ближе своей собственной отраслью языка, изслѣдовать се и по письму, и по народному творчеству, и по устному живому говору, отсюда извлекать общіе законы, свойственныя природѣ всякаго языка, отсюда прямо восходить къ старшимъ языкамъ нашей Индоевропейской семьи, а тамъ — самому изучать подлинникъ, осторожно и критически относясь къ ученымъ авторитетамъ, по праву повѣряя ихъ собственными подручными данными. Такимъ именно путемъ въ предѣлахъ науки шелъ сочинитель предлежащей Граматики, не измѣняя строгому направленію, развѣ гдѣ измѣняли силы, и платясь недостатками только тамъ, гдѣ захваты окружающаго движенія побуждали неволью уклоняться въ сторону: къ „соблазнамъ“ сего послѣдняго рода можно отнести прямо упомянутыя прибавки въ концѣ о нѣсколькихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, для которыхъ авторъ не имѣлъ достаточно хорошихъ данныхъ въ свою эпоху; сюда же отнесется, можетъ быть, и слишкомъ длинное прѣніе съ Боппомъ, тамъ, гдѣ, принявши Боппа въ соображеніе, слѣдовало бы

прямо перешагнуть къ подлинному тексту нашихъ Аріискіхъ братій.

Однако, помянутые сейчасъ недостатки нашего автора совершенно блѣднѣютъ въ виду блестящаго положенія современной Славянской филологіи. Здѣсь, на оборотъ, углубленіе въ собственный языкъ выражается выпискою *примѣровъ*, хотя бы изъ разныхъ времепъ и сферъ, безъ исторической и логической связи; въ выводахъ, законы *общіе* замѣняются готовыми законами языка Церковно-Славянскаго, списанными по буквамъ памятника; языкъ Древнеболгарскій, либо переставшій жить, либо живущій въ видоизмѣненіяхъ, представляется не иначе, какъ *въ формахъ, отпечатанныхъ* г. Миклошичемъ; дума о старшемъ языкѣ и первобытной эпохѣ упирается — много если въ грамматику *Латинскую и Греческую*; непрерывное обращеніе къ *Санскриту и Зенду* не только не привлекаетъ къ ихъ тексту, не только не заочиваетъ къ спору съ Боппомъ, какъ нашего автора, а напротивъ ограничивается самодовольно цитатами изъ Нѣмецкихъ книгъ; не Боппа, хоть одного, прочитавъ да сообразить, — прогрессъ побуждаетъ прибавить именъ — Гримма, Бюрпуфа, М. Мюллера; если достигается таковая апогея, то на рубежѣ ея для мысли не остается уже никакой работы, все порѣшено и закончено. Тутъ говорится о любомъ Славянскомъ нарѣчій, иногда и спеціально, смотря по массѣ „выписокъ“ изъ языка; рѣшается о „цѣломъ“ Славянскомъ языкѣ — „начиная“ съ Древнеболгарскаго, не раньше IX вѣка по Р. Х., ибо выше не хватаютъ Ц.-Славянскіе памятники; проповѣдуется о первобытномъ языкѣ, который иначе не представляется, какъ Санскритомъ и Зендомъ; предлагаются общіе законы языка — со словъ послѣдней книжки; не мыслится ни о чемъ изъ всего этого ряда, ибо все уже промышлено до основы старшимъ Мюллеромъ и Гельмгольцемъ. Глядя на все это, столь юное и наивное, возможное лишь у младенчаствующихъ народовъ, никому не приходитъ въ голову — ни подшутить надъ ребячествомъ, ни серьезно попросить логическаго отчета. Не напрашиваются, хотя столь естественные, вопросы въ родѣ слѣдующихъ:

Какимъ образомъ языкъ, называемый Ц.-Славянскимъ, могъ быть вѣкогда *общимъ* языкомъ Славянъ, когда иѣтъ его въ живой, устной и народной, рѣчи ни у кого изъ Славянъ, древнихъ, послѣдующихъ и нынѣшнихъ, ни въ самобытномъ, хотя какомъ либо,

VI

произведеніи творчества народнаго, а въ памятникахъ письменныхъ языкъ сей тотчасъ видоизмѣняется самобытною рѣчью каждой Славянской отрасли, какъ только она появляется въ исторіи, до того, что вресловутый великанъ, собственно говоря, умираетъ при самомъ появленіи на свѣтъ Божій? Какъ могъ быть сей же языкъ старшимъ во всѣхъ, или хотя преимущественныхъ и многихъ, отношеніяхъ, когда въ немъ всюду вѣдетъ письменностью, книжностью и искусственностью, когда въ немъ царить на всѣхъ ступеняхъ правильность однообразія, добываемая сравнительно позже черезъ науку и грамотность? Когда въ немъ развиты звуки, во всякомъ языкѣ сравнительно новые, а потому и не принятые или вовсе не существовавшіе у другихъ, у большинства Славянъ, на примѣръ „носовые;“ когда въ немъ потрясена, если не совсемъ исчезла, древняя „долгота“ гласныхъ, а на мѣсто того водворилось разнообразное „удареніе“ или вступили звуки „двоегласные;“ когда древняя „гласность“ вообще уступила здѣсь господствующимъ „полугласнымъ,“ но изъ сихъ послѣднихъ возстановлены часто гласные не первобытные, не старшіе, а „бѣглые, вторичные и производные,“ тогда какъ, въ сихъ же случаяхъ, у пѣкоторыхъ живыхъ Славянскихъ языковъ, сохранена порою и долгота съ краткостію, подчиняющая себѣ удареніе, и въ замѣнъ полугласныхъ возстановлена, если не цѣлкомъ удержана, гласность старшая?—Какой человѣческой языкъ и какія живыя уста могли выговорить сочтанія въ родѣ „крвьшь, смрътъль, църкъшь, слъньчьпъ, слъзь“ и т. п.?—Если же онъ не былъ ни общимъ, ни старшимъ, ни живымъ: почему же и гдѣ право брать его нормою для всѣхъ остальныхъ Славянскихъ языковъ и парѣчій, объясняя ихъ особенности лишь „уклопеніемъ“ отъ Ц.-Славянскаго или „новымъ“ шагомъ далѣе, преимущественно къ порчѣ и во всякомъ случаѣ зависимо отъ Ц.-Славянской мѣрки? Не значитъ ли это припнмать основою любую граматнику и весь „остальной“ языкъ объяснять „отношеніемъ“ къ печатнымъ ея параграфамъ? Какая эта норма, если ея не держится ни одинъ Славянинъ въ живой рѣчи, какъ только появляется съ языкомъ въ исторіи, а на самомъ письмѣ, завися конечно отъ грамотности „церковной,“ двоятъ, разнообразитъ, видоизмѣняетъ ея правильность, и ни одинъ въ семъ случаѣ съ другимъ не сходится до единства? Какая это норма, по которой Церковно-Славянское слово списывается прямо съ древняго памятника такимъ аккурат-